

Андрей Лазарчук

МОЙ СТАРШИЙ БРАТ ИЕШУА

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Л17

Лазарчук А.

Л17 **Мой старший брат Иешуа: [роман] / Андрей Лазарчук. — М. : «Т8 Издательские Технологии» / RUGRAM 2022. — 388 с.**

ISBN 978-5-521-73907-3

Андрей Лазарчук — живой классик русской фантастики, ученик братьев Стругацких и создатель собственной литературной школы, лауреат всех основных премий в своем жанре. Однако сам писатель полагает, что его произведения не являются фантастикой как таковой. Определяя собственный художественный метод, он называет его «турбореализмом».

Это роман о времени и людях, о том, чем была — или могла бы быть — древняя Иудея. В этой книге автор опрокидывает и выворачивает наизнанку христианские мифы. Ирод Великий, ну что мы помним о нем, помимо избияния младенцев? А поди ж ты, величайшим правителем, строителем и завоевателем был. Варрава — великими проповедником, апостолы — полевыми командирами... А каким же был Иисус?...

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-521-73907-3

© Лазарчук А. Г., 2021
© Оформление. АО «Т8 Издательские технологии», 2022

О Т А В Т О Р А

Роман написан на основе перевода так называемого «Китирского кодекса», сделанного профессором Анатолием Павловичем Серебровым, с разрешения переводчика и с единственным условием: избегать прямого цитирования. Это условие выполнено полностью.

Первоначально я намеревался внести в текст романа и биографию А. П., и историю поисков кодекса, и коллизию его утраты и компрометации. Однако после первых же десятков страниц от этой мысли пришлось отказаться, так как история эта выглядела слишком неправдоподобной. Поразмыслив, я решил отложить написание биографии А. П. Сереброва — включающей, разумеется, детективно-приключенческий сюжет, развивающейся вокруг «Китирского кодекса», — на какое-то время, лучше всего до тех пор, когда имя этого замечательного учёного будет возвращено в научный оборот.

Итак, при написании я имел на руках фотокопии самого кодекса, перевод кодекса на русский язык, около двухсот страниц комментариев А. П. к переводу

и его предсмертное письмо ко мне, приводить которое я считаю излишним. Где находятся оригинал кодекса и его имитация сейчас и какие инструкции получили те люди, которые — я надеюсь — будут добиваться научной публикации, мне неизвестно.

Мои сердечные благодарности поэту и писателю Даниэлю Клугеру, который уже не в первый раз приходит мне на помощь, и Руслану Хазарзару, чей фундаментальный труд «Сын человеческий» помог мне сориентироваться во многих реалиях древности. Я настоятельно рекомендую эту книгу всем, желающим не только верить, но и знать.

И, конечно, отдельное спасибо Иосифу Флавию.

Ещё несколько слов от автора.

Об именах и географических названиях. В рукописи они, как правило, приводятся в непривычном для нас виде, а именно: греческими буквами воспроизводится звучание имени либо названия; иногда бывает трудно понять, о чём или о ком идёт речь. Есть случаи, когда имя одного и того же человека в одном месте написано так, как оно звучит по-еврейски, в другом — как по-гречески, в третьем — скорее всего, по-арамейски. Я говорю «скорее всего» потому, что точной фонетики арамейского не знает никто. Если учесть, что кодекс написан на одном из диалектов лаконского (спартанского) языка, который в произношении отличался от общегреческого койне весьма значительно, то понятно, насколько тяжело было иногда разобраться, кто или что имеется в виду.

Я постарался везде, где это не мешает восприятию, это непривычное написание сохранить. С другой сто-

роны, в зависимости от контекста пришлось применять наряду с арамейской и еврейскую форму имён, и греческую, и привычную нам орфографию, принятую в русском синодальном переводе Библии (например, Элишбет — Элишева — Элисбет — Елисавета; Иешуа — Йешуа — Иэсус — Иисус). В описываемое время точно так же применялись различные формы одного и того же имени: еврейская космополитичная знать говорила по-гречески и называла детей греческими именами (совершеннейший аналог России девятнадцатого века, только вместо греческого был французский), простые горожане и крестьяне говорили на арамейском и использовали арамейские формы имён и названий, священнослужители — древнееврейские. Римляне же всех именовали на свой латинский манер; грамотные люди их понимали.

В рукописи есть персонажи, которые именуются попеременно то на греческий, то на арамейский манер. Дабы избежать лишней путаницы, я оставил им только по одному имени.

Хасмоне́йская династия, Хасмонеи, в рукописи именуются только Маккавеи и Маккаби (есть оба варианта написания). Причина этого мне неизвестна, но я решил так и оставить.

Еврейский календарь, как я понял, использовался прежде всего для определения религиозных праздников, а сирийско-македонский — в повседневном обиходе.¹

¹ Сирийско-македонский календарь
диос — ноябрь
апеллай — декабрь
аудинай — январь
перитий — февраль
дистр — март
ксантик — апрель

То есть когда в тексте упоминается праздник, называется еврейский месяц, а когда рядовая дата — македонский. Римский счёт месяцев и лет в рукописи не встречался ни разу.

Довольно часто даты событий, приводимые в рукописи, отличаются от тех, которые имеются у Иосифа Флавия. Разница невелика и составляет один-два года в ту или другую сторону. Я сохранил датировку, которая дана в рукописи («от воцарения Шимона Маккаби», т.е. от 142 г. до н. э.) и решил больше доверять датам, приведённым там, нежели Флавию — тем более что Флавий довольно своеобразно использовал летоисчисление «от первой Олимпиады», называя месяц, но не называя год (скажем, «в мае такой-то Олимпиады» вместо «в мае первого-второго-третьего-четвёртого года такой-то Олимпиады»).

артемисий — май
дасий — июнь
панем — июль
лаос — август
гарпей — сентябрь
иперберетай — октябрь

Еврейский календарь

В Библии встречаются только семь пришедших из Вавилонии названий месяцев еврейского календаря: нисан (приходится обычно на март-апрель), сиван (май-июнь), элул (август-сентябрь), кислев (ноябрь-декабрь), тевет (декабрь-январь), шват (январь-февраль) и адар (февраль-март). Названия остальных месяцев — ияр (апрель-май), таммуз (июнь-июль), ав (июль-август), тишрей (сентябрь-октябрь) и мархешван, или хешван (октябрь-ноябрь), — иногда с обозначением их порядковым числительным, появляются наряду с уже перечисленными только в рукописях первого века до н.э. — первого века н.э., в частности в свитках Кумрана.

Сутки делились на 24 часа, а час — на 1080 долей. Начало суток считалось с конца заката, когда край солнца исчезал за горизонтом.

Климат в Средиземноморье в те времена заметно отличался от нынешнего: температуры были ниже, дожди шли чаще. Видимо, сказывалось то, что Сахара имела площадь в несколько раз меньшую, чем сейчас. Благодаря этому земледелие повсюду было неполивным, и пшеницы и ячменя собирали по два, а во многих местах и по три урожая. Впрочем, именно в описываемое время климат начал довольно резко меняться к худшему: начинались те подвижки, которые вскоре привели к Великому переселению народов.

Собственно, это всё, чем я хотел бы предварить книгу. Благодарю за внимание.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Одарил или наказал меня Господь тем, что каждое утро я просыпаюсь двенадцатилетней девочкой, а каждый вечер умираю старухой, забывшей счёт своих лет? Наверное, всё же одарил в милости своей, потому что я ведь и есть на самом деле старуха, что забыла счёт прожитых лет. А видеть встающее солнце и петь, встречая его — дано не всякой старухе, и даже самой счастливой из старух.

Я пережила уже всех, кто был со мной тогда, и своих детей, и детей моих близких. Кто-то шепчется за спиной, что я проклята на вечную жизнь и что я не одна такая... Чем дольше жизнь, тем больше слёз и потерь, а из радостей — только память.

И ещё вот эта одна: я могу видеть по утрам солнце, и я могу петь.

Потом и солнце заволакивает волнистой мглой, и лишь по краям этой мглы, этого косматого пятна цвета зимнего моря остаётся что-то живое. Впервые мне вот так загородило взор, когда храмовые стражники приволокли меня на гору и велели опознать в распростёртом на камнях убитом человеке моего брата, а я смотрела — и не могла понять, что такое происходит со мной. Куда бы я ни обращала взгляд, пылающая лиловым пламенем ладонь с короткими загнутыми ког-

тистыми пальцами не давала мне увидеть ничего из того, что должно было быть передо мной...

Толпа вопила и требовала, а я молчала. Потом они бросились.

Говорят, меня спасли римские солдаты¹, но этого я уже не помню совсем. Когда я очнулась, то подумала, что идёт какой-то весёлый праздник. Я слышала радостные песнопения. На самом деле было тихо и страшно. У меня выпали все волосы, а кожа легко собиралась в обширные тонкие складки. Без сознания я пролежала почти два месяца. Никто не верил, что я выжила, и говорили, что восстала из мёртвых и что это не чудо, а чёрное злое волшебство.

С тех пор я так и осталась тонкой, как лучина, волосы на мне не росли нигде, а видела я лишь то, что творилось сбоку от меня, и ничего, что творилось впереди.

Дети мои боялись меня и с трудом сдерживали крик, когда мама побуждала их войти в комнаты, занимаемые мною. Потом мама плакала. Она думала, что я не слышу. Но я всё слышала.

Мы снова жили в нашем старом доме в Еммаусе². Я боялась, что дом развалится — так скрипели, трещали

¹ Здесь и далее, когда речь идёт о римских солдатах, римском лагере и т.п., следует иметь в виду, что регулярных римских войск, легионов, в Иудее не было вообще, а развёрнуты были только вспомогательные войска, набираемые из местного населения; организация их и вооружение не отличались от римских, но язык использовался туземный; также другими были и регалии. Расквартированные в Иудее и в частности близ Иерусалайма части комплектовались преимущественно самарянами и декаполийцами, говорящими на греческом.

² В рукописи используются как греческий (Еммаус), так и арамейский (Хаммат) варианты написания названия; мы используем только первый, как более привычный, дабы не создавать путаницу.

и пьяными голосами пели половицы и балки. Но дом выдержал, он выстоял до той ночи, когда и нам пришлось бежать от убийц. Я уже могла ходить и что-то нести.

Я росла в этом доме — с восемью лет и до одиннадцати. Тогда он был огромен.

Дом был огромен, а свет светел. Он пронизывал дом косыми лучами. Отец был велик и добр. Руки его пахли смолой многих деревьев. От мамы пахло молоком. На руках она всё время держала маленького Зекхарью, а он плакал. Потом он перестал плакать, а плакали все вокруг, и я плакала тоже.

Тётя Элишбет была выше мамы, а волосы её, тёплые и волнистые, светились, выбиваясь из-под траурной головной повязки. Волосы у мамы были тёмные, очень длинные, она подбирала их гребнем. Но всё равно мама и тётя были очень похожи, и все говорили, что они похожи как родные сёстры, старшая и младшая, а не как тётка и племянница. У тёти Элишбет был сын Иоханан, а мужа её велел убить безумный царь Ирод, мучимый духами зла; духи же смогли войти в него потому, что он втайне поклонялся нечестивому богу и хотел заставить всех нас поклоняться ему. В честь убитого мужа тёти Элишбет родители и назвали моего брата. Таков обычай. Но брат тоже умер.

И тогда мы остались вдвоём с Иешуа.

Иешуа — мой старший брат. Он старше меня на два года. Иоханан ещё старше, чем мой брат, но мне с ним легче и проще. Жалко, что тётя Элишбет живёт далеко, и они могут бывать у нас нечасто.

Я много раз слышала, что где-то на небесах Иешуа и Иоханана перепутали родителями, отдали не тем. Потому что Иешуа светлоглазый и светловолосый, как тётя Элишбет, и светловолосым был её убитый муж, а Иоха-